

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.35.32.045

Динамика детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции

Широких Борис Артурович

Аспирант,
кафедра возрастной психологии и семейного консультирования,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский проспект, 34;
e-mail: Boris.shir1998@gmail.com

Аннотация

Проведение психологических исследований по темам родительства, готовности к родительству, динамики детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции рассматриваются авторами как имеющие социальную и научную актуальность. По официальным оценкам ООН, в настоящее время число беженцев по всему миру превышает 100 млн человек (на 12% больше в сравнении с 2021-м годом), из которых 40% составляют дети. Следовательно, проблематика психологической помощи в условиях вынужденной миграции становится все более актуальной для психологии детства, возрастной психологии. По состоянию на конец 2022-го года всего было опубликовано 2140 научных работ по теме психологической помощи семьям-беженцам. Оценка числа беженцев в России с 2022 года превышает 5 млн человек (соответственно, более 2 млн детей). Однако по состоянию на 31.05.2023 в России отсутствуют аналогичные исследования динамики семейных отношений, протекающих между родителями и детьми, вынужденными сменить место жительства по причине вооруженного конфликта. Целью настоящего исследования является качественная оценка динамики детско-родительских отношений в семьях, вынужденно сменивших место жительства из территорий проведения специальной военной операции. Методология исследования заключается в проведении полуструктурированного интервью с пятью матерями детей раннего и младенческого возраста, находящихся в условиях вынужденной миграции. На основе исследования выявлены изменения в динамике родительского опыта в рамках когнитивного, поведенческого, эмоционального компонентов. Также автором предпринята попытка формулировки дальнейших задач по проведению исследований и интервенций в рамках вопроса детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции.

Для цитирования в научных исследованиях

Широких Б.А. Динамика детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 10А. С. 411-421. DOI: 10.34670/AR.2023.35.32.045

Ключевые слова

Детско-родительские отношения, вынужденная миграция, психологическая помощь семьям-беженцам.

Введение

Каждый автор психологического исследования в контексте родительства в условиях вынужденной миграции сталкивается с задачей определения точного предмета исследования или интервенции. Так, Л. Де Хаене, одна из ведущих специалистов в данной области, работает с темой нарратива, развивающегося в семьях, переживших травматический опыт, связанный с вынужденной миграцией [De Haene, 2010]. По мнению специалиста, в семьях могут либо не говорить, либо допускать сверхраскрытие информации о травматическом опыте. Оба варианта деструктивны, ведь в первом случае молчание родителя не только не спасает ребенка от подробностей их ситуации (ведь дети так или иначе узнают почти все, только в условиях, в которых не будет опоры на родительскую фигуру), но и создает риск развития запрета на выражение эмоций, связанных с вынужденной миграцией. Л. Де Хаене описывает случай, в котором ребенок даже не знал о том, что ее сиблинг погиб. Противоположной деструктивной динамикой рассматривается сверхраскрытие информации со стороны родителя. Ребенок переполняется не только своими переживаниями, но и обильными эмоциями родителя, часто говорящем в подробностях о всем ужасе, ими пережитом. Ресурсной позицией, по мнению специалиста, является модулированное раскрытие (*modulated disclosure*), при котором ребенок и родитель говорят о главных событиях, делятся эмоциями, не допускают замалчивания или сверхраскрытия информации [De Haene, 2010]. Важным аспектом является то, что различаются понятия молчания и безмолвия. Так, родители и дети в процессе вынужденной миграции могут не говорить, но совместно слушать музыку, находиться вместе, рисовать – все это также рассматривается как ресурсная тактика построения нарратива в контексте пережитой травмы [De Haene, 2010].

Основное содержание

По мнению автора, в российских реалиях: особой культуры и философии науки, огромного опыта в проведении психологических исследований – стоит ориентироваться именно на отечественные разработки в процессе определения предмета исследования. В рамках данной работы для определения динамики родительского опыта будут использованы компоненты: когнитивный, поведенческий, эмоциональный. Именно такие компоненты рассматривают ведущие специалисты по возрастной психологии в контексте родительского опыта, подготовки к родительству [Галаятдинова, Кутушева, Гумерова, 2016]. Соответственно, контент-анализ информации, полученной в ходе проведения интервью с родителями, будет основан на определении динамики детско-родительских отношений в рамках когнитивного, поведенческого, эмоционального компонентов.

Когнитивный компонент родительского опыта, готовности к выполнению родительской роли описывается авторами исследований как: образ себя как ответственного человека; представление о ребенке как о равноправном члене семьи; представление о воспитании как о позитивном развитии личности, а не исправлении ее недостатков; терпимость, уверенность в себе. Эмоциональный компонент родительского опыта, готовности к выполнению родительской роли описывается авторами исследований через понятия о ценностях, переживаниях матери в отношении ребенка и собственного родительского опыта. Поведенческий компонент родительского опыта понимается как совокупность навыков по фактическому уходу за ребенком. Проявление фактических действий в рамках заботы о ребенке и о себе [Валеева,

Биктагирова, 2015].

Полуструктурированное интервью состояло из 11 вопросов:

- 1) Были ли изменения в отношениях ребенка с Вами с начала вынужденной миграции и если да, то какие?
- 2) Что в настоящее время Вас тревожит?
- 3) Что в настоящее время тревожит Вашего ребенка?
- 4) Что Вам снится?
- 5) Что снится Вашему ребенку?
- 6) Какие эмоциональные состояния стали наиболее частыми для Вас с начала вынужденной миграции?
- 7) Какие эмоциональные состояния демонстрирует ребенок во взаимодействии с Вами с начала вынужденной миграции?
- 8) Как Вы говорите с ребенком об утратах, связанных с вынужденной миграцией?
- 9) Были ли изменения в эмоциональной связи ребенка с Вами с начала вынужденной миграции и если да, то какие?
- 10) Есть ли аспекты в Ваших семейных отношениях, которые стали более развитыми, сильными, с начала вынужденной миграции?
- 11) Что бы Вы порекомендовали родителям, находящимся в ситуации, аналогичной Вашей?

Матери детей младенческого и раннего возрастов имели возможности для ознакомления с вопросами перед беседой. Родители могли отказаться от вопросов, могли их изменять в соответствии со своими представлениями об актуальности проведения подобного интервью в условиях вынужденной миграции. Ниже представлен контент-анализ полученной информации.

Таблица 1 Контент-анализ информации, полученной в интервью с родителями

Компонент детско-родительских отношений	Изменения в детско-родительских отношениях
Эмоциональный	Фрустрация, связанная с неспособностью обеспечить необходимый уход за ребенком Фрустрация, связанная с неспособностью обеспечить необходимый уход за собой Фрустрация, связанная с изоляцией от близких людей и возникающего чувства одиночества Агрессия в адрес ребенка и себя
Поведенческий	Неспособность создать условия для эффективного кормления ребенка, сна ребенка Неспособность создать условия для игры ребенка Неспособность выстраивания границ с ребенком
Когнитивный	Снижение уверенности в себе Снижение терпимости к ребенку

Ниже будет представлено описание семантики контент-анализа, а также будут приведены конкретные цитаты родителей в отношении каждого пункта таблицы 1. Важно отметить, что в общую таблицу, иллюстрирующую контент-анализ, не вошли специфические особенности отдельных случаев, которые не являются общими для всех родителей. Наиболее важные особенности ситуаций, например, интерпретация сновидения одной матери, будут представлены ниже.

По мнению автора, основанному на проведении исследования, а также личного опыта

консультирования родителей с детьми, находящихся в процессе вынужденной миграции, главные проблемы матерей связаны с поведенческим компонентом, а именно: с фактическим уходом за ребенком. В данном исследовании приняли участие мамы с детьми раннего и младенческого возраста, соответственно, главными вопросами ухода являются: кормление ребенка, ортопедический уход за ребенком, игра с ребенком.

Так, респондент (далее - В.), мать двух детей: мальчика в возрасте 6 месяцев и девочки в возрасте 2-х лет, говорит: **«У меня ситуация особая: цепляться приходится каждый день, чтобы помочь малышу начать кушать»**. Другой респондент (далее – Е.), мать одного ребенка в возрасте 12 месяцев, говорит: **«...намного сократился объём прикорма, пропал второй дневной сон»**

В ситуациях детей младенческого и раннего возраста кормление и сон являются важнейшими параметрами физиологического и психологического здоровья ребенка. Это имеет огромное значение и для матери. Для ребенка образный опыт и механическое переживание во время кормления дают целостный опыт (Винникотт, 2000). Благодаря данному опыту развивается постепенно и представление о груди, как об отдельном объекте. Здесь важно указать, что это первый опыт младенца, в рамках которого он создает что-то новое, оперирует образами. Соответственно, можно сделать вывод о том, что именно на оральной стадии в процессе эффективного кормления грудью (а не простого сосания соска без возможности получить молоко) начинается развитие творческой способности, креативности человека [Винникотт, 2011].

Для матери же опыт кормления грудью сильно связан с чувством нежности к ребенку, собственной уверенности как родителя, что подтверждается и в данном исследовании. Е. говорит: **«К тому же, время кормления и сна мне очень дороги. Это то, что наполняет меня нежностью к ребенку»**.

Деструктивные внешние условия могут привести к регрессу в детско-родительских отношениях. В рамках поведенческого компонента родительства ребенок младенческого возраста может начать кричать во время кормления (как в описании выше: случай В.). Ребенок раннего возраста может отказываться от прикорма (как в случае Е.). Могут возникнуть проблемы со сном.

Так, в случае мамы (далее – К.) одного ребенка, девочки в возрасте 6 месяцев, говорит: **«Сейчас сложный период у нас. Нам пришлось уехать из дома. Мы добирались до нового места больше недели. Дочка стала вскрикивать и как бы скулить по ночам, возможно из-за моего стресса, хоть я стараюсь сохранять спокойствие, так как понимаю, что через молоко все передаётся»**. В контексте регресса в раннем возрасте мама ребенка в возрасте 1 года и 7 месяцев (далее - Н.) говорит: **«... Ребенок начинает писать в горшок, останавливается... отходит от горшка и зовет меня... пишет «полностью» только у меня на руках над раковиной или в ванной»**. Таким образом, фрустрация матери связана с регрессом ребенка, который выражается в потере способности самостоятельно использовать горшок. Данная динамика лучше всего может быть интерпретирована с позиции психоаналитической теории. Из-за повышения тревоги в семье ребенок манипулирует матерью при помощи поведения, связанного с гигиеной. Чувство контроля над объектом приносит как наслаждение, так и некоторое успокоение [Фрейд, 2018].

Стоит отметить, что в теме родительства невозможно рассматривать какой-либо феномен в условиях, в которых он не был бы связан с другими элементами системы семьи (Овчарова, 2005). В данном контексте актуальны слова Гёте, который писал: «Кто хочет что-нибудь живое

изучить, сперва его он убивает, потом на части разлагает, но связи жизненной ему там не найти» (Гёте, 2019). Мы стараемся рассматривать достаточно подробно отдельные компоненты родительского опыта, их проявления, однако все всегда будет связано в одной системе.

В контексте поведенческого компонента, регресса, связанного с условиями повышенного напряжения в процессе вынужденной миграции, может произойти и динамика, при которой будут нарушаться границы между матерью и ребенком, что отразится в одной системе и на сне, и на кормлении ребенка. Так, мама ребенка в возрасте 2 лет и 2 месяцев (далее – И.), говорит: **«Ребенок стал засыпать только с грудью... [актуален вопрос] как наладить самостоятельное засыпание»**. В ситуации, в которой ребенок раннего возраста перестал засыпать в собственной постели, но делает это только в непосредственном присутствии матери в условиях кормления грудью, речь идет сразу о многих параметрах, которые автор определяет единой темой границ между матерью и ребенком. Данную тематику, по нашему мнению, стоит раскрыть так же, ссылаясь на психоаналитическую теорию. Продолжительность процесса грудного вскармливания напрямую не определяет успех удовлетворения потребности младенца в молоке. Если процесс кормления эффективен (младенец именно сосет грудь, находится в ортопедически корректной позе, например, в пеленке, лежа на подушке, расположенной на ногах сидящей в кресле матери), мать может кормить ребенка 10-15 минут (что является «нормой» в контексте материнской этики), соответственно, успешно дать младенцу необходимую пищу, после чего он сам отпустит грудь и уснет [Широких, 2020]. Длительное кормление деструктивно по отношению к психике ребенка (процесс эротизируется: мать не нежная, но страстная с младенцем, что размывает окончательно границы между ними, создает симбиоз и инцестуозность, чего уже более чем достаточно для развития ребенка на психотическом уровне психической структуры), что подтверждается работами П. Ракамье [Ракамье, 2013]. Также важно представить в данном контексте концепцию Дж. МакДугалл «ребенок пробка» [Корбивчер, 2014]. Еще З. Фрейд говорил о том, что роды – сильнейшая кастрация для женщины, однако Дж. МакДугалл раскрывает суть столь тяжелого процесса сепарации матери с телом младенца (Карпачева, 2022). После родов образ тела матери может быть сильно искажен: тело воспринимается как опустошенное. Для младенца процесс сепарации именно с телом матери также считается очень тяжелым. Следовательно, может возникнуть обоюдное желание снять телесные границы и снова воссоздать условия, в которых ребенок есть часть тела матери. Это довольно деструктивный способ заполнить внутреннюю пустоту, который обычно прикрывается оправданием о том, что мать должна быть всегда рядом, в контакте с младенцем. Хорошая метафора того, что происходит на самом деле при длительном кормлении, постоянном телесном слиянии с ребенком, изобразил в своих работах Генри Мур [Корбивчер, 2014].

В данной скульптуре сразу заметна деперсонализация: лицо матери не имеет никаких ярко выраженных черт, лицо ребенка вовсе скрыто, нет никаких символов родительской или женской идентичности. Мать и ребенок просто пребывают вместе. Это, по мнению авторов, абсолютно корректно иллюстрирует настоящую природу длительного кормления и неоставления ребенка матерью ни на какое время. Это природа проблемы отсутствия сепарации с телом матери. Согласно Ф. Тастин, проблемы в процессе сепарации именно с телом матери станут основанием для развития у ребенка проблематики аутистического спектра [Tustin, 1992].

Таким образом, в случае И. по причине повышенной тревоги и напряжения, связанных с условиями вынужденной миграции, возникает деструктивный способ того, как диада справляется с напряжением, а именно: происходит стирание границ между матерью и ребенком

в положении лежа в процессе грудного вскармливания.

Как описано выше, динамика детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции характеризуется изменениями в эмоциональном и поведенческом компонентах. Возникают сложности с уходом за ребенком, что приводит к фрустрации матери. Сама Е. точно описывает свои эмоциональные состояния, связанные с этим: **«...плюс страдания за неблагополучие ребенка, плюс неспособность помочь, непонимание проблемы»**.

Помимо фрустрации, связанной с уходом за ребенком, для родителей возникает фрустрация, связанная с уходом о себе. Е. говорит: **«Трудность здесь в том, что мне нужно больше есть, и на это нужно больше времени. А его сейчас стало как никогда мало, я перестала успевать работать, сократила быт до минимума, и все свободное от сына время ем и сплю. Возможно, это тоже как-то пройдет, но я очень переживаю и отчаиваюсь. Раньше было легче, и я успевала очень много»**. В этом же контексте В. говорит: **«Я не мылась уже 2 недели... я в Америке... одна целыми днями дома с детьми...»**.

Помимо кормления, сна, большим значением для детей раннего и младенческого возрастов обладает игра. Родители в условиях вынужденной миграции сталкиваются с проблемами в организации игры ребенка. Как было сказано выше, все параметры и компоненты детско-родительских отношений находятся в единой системе. Соответственно, данный параметр игры, конечно, связан с выстраиванием границ, однако решено его все-таки рассмотреть отдельно. Так, Е. говорит: **«...кричать, как я выйду (не всегда), он стал совсем недавно. Раньше он звал через какое-то время, если ему что-то нужно, без меня долго и спокойно играл сам. Я даже выходила вынести мусор, и все спокойно. А позже, когда научился ползать, он приползал ко мне, опять же по какой-то нужде. Регресс получается в какой-то совсем ранний возраст»**. То есть потеряна возможность ребенка к самостоятельной игре. Гораздо лучше создавать для ребенка условия, в которых он сможет сам переносить интерес с мамы (материнской груди) на других людей и другие предметы. Проблемы того, что ребенок (как пишут респонденты) кричит сразу, если мама только выходит в другую комнату, могут быть связаны с этим. Тем не менее, родители говорили, что раньше дети могли выдерживать некоторое время без непосредственного присутствия мамы. Следовательно, сейчас речь идет о временном регрессе (в те состояния, в которых такой возможности у ребенка не было), что, конечно, лучше, чем если бы малыш никогда не мог пробыть и минуты без мамы.

Также стоит привести примеры в подтверждение к выделенному в контент-анализе параметру фрустрации, связанной с изоляцией от близких людей и возникающего чувства одиночества. Так, В. говорит: **«я в Америке... одна целыми днями дома с детьми...»**. Е. говорит: **«Сегодня ситуация такая, что мы переехали в отдельную квартиру и живём с малышом вдвоём»**. Одиночество становится условием для родителей, которые проходят через процесс миграции. Даже Ф. Достоевский, находясь в Германии, писал А. Майкову: **«Ну, а мы с женой до того на необитаемом острове, что вот такое, например, письмо, как это последнее Ваше, производит впечатление колоссальное, на несколько дней»** [Достоевский, 1867]. Родители находятся в окружении многих людей, однако необходим процесс аккультурации, чтобы одиночество стало менее актуальной характеристикой для семьи, вынужденно мигрировавшей [Nakash, 2004].

К великому сожалению автора, проведенное исследование, а также личный опыт работы с родителями-беженцами, дают основания для выявления параметра агрессии к ребенку и к себе в рамках поведенческого и эмоционального компонента в динамике детско-родительских отношений. В. говорит: **«иногда накрывает, и я не могу вовремя обернуть себя... я стараюсь**

на него не срываться... не получается, и ему достается... потом ненавижу себя...». Агрессия актуальна для всех респондентов, однако наиболее показательным является ситуация и Е., которая говорит: *«Несколько раз, совсем недавно, я допустила рукоприкладство со своей стороны, отчего пришла в ужас и недоумение от самой себя. Конечно, это недопустимо ни при каких обстоятельствах!»*

С психоаналитической позиции, ссылаясь на работы М. Кляйн [Кляйн, 2007], мы утверждаем, что агрессия (чувства раздраженности, злости и даже ненависти) к ребенку со стороны матери – это естественная характеристика любой семьи. Главное значение имеет способ выражения данной агрессии. Физическая агрессия, особенно в младенческом и раннем возрастах, может с большой вероятностью стать причиной травмы, которая не позволит ребенку полноценно развиваться. Такая динамика может стать основой для развития ребенка на психотическом уровне психической структуры. Тем не менее, разовое действие далеко не столь тяжелое влияние оказывает, как системное повторение, а системное повторение еще не означает наличие сформированного паттерна. Ненависть естественна для человека, любовь проистекает именно из ненависти [Кляйн, 2007]. Важно принять тот факт, что нет любви к младенцу, что есть ненависть к младенцу. Именно системный уход за ребенком, регулярное выполнение правильных действий, станет основой для того, чтобы естественно выработалась столь сложная эмоция, как любовь, после чего ребенок будет восприниматься целостно: с учетом ненависти и любви. [Широких, 2020].

Таким образом, продемонстрированы основные положения контент-анализа информации, полученной в общении с родителями в рамках проведения исследования. Регресс в различных аспектах детско-родительских отношений, связанных с поведенческим компонентом готовности к родительству, приводит к увеличению фрустрации и агрессии матери, снижению уверенности и терпимости матери, увеличению объема деструктивного опыта для ребенка. Родители, находящиеся в условиях вынужденной миграции, нуждаются в психологическом консультировании, учитывающем результаты исследований детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции.

К сожалению автора, лишь один респондент ответил открыто на вопросы, связанные со сновидениями. Мы это связываем с тем, что в настоящее время существует множество ложных концепций, людей, которые распространяют заблуждение о том, что сновидения имеют один общий язык и одну систему знаков, в соответствии с чем можно толковать сновидения, лишь читая кем-то опубликованный сонник. Соответственно, отношение к интерпретации сновидений у большей части респондентов негативное. Тем не менее, мы считаем, что интерпретация сновидений может дать огромное количество ценного материала о респонденте, который было бы невозможно получить другими методами.

Мама двух детей среднего и старшего школьного возраста (далее – П.) рассказывает о наиболее «важном» сновидении:

«Это очень красочный сон, в котором много цветов и движения. Я в деревне, в которой выросла. Вижу красивую реку, в которой купалась в детстве. Сосновый лес. Пирс. Песчаный берег. День солнечный и жаркий. Я плыву по реке, любясь видом на лес. Вдруг, посреди реки меня накрывает волна. Я понимаю, что не могу переплыть на другой берег, хотя ни раз это делала и имею звание мастера спорта по плаванию. Меня накрывает еще одна волна. Я понимаю, что нахожусь посреди шторма в океане. Надо мной летают две чайки. Я чувствую, что тоню. Я уже под водой, не могу всплыть. Думаю, что мне не за что зацепиться. Вижу ветку от соснового дерева, которое нагибается над водой так, что

ветка опущена под волны, я могу за нее ухватиться».

Ниже приведено описание попытки интерпретации данного сновидения с использованием психоаналитической концепции. Наиболее известное суждение З Фрейда: «Сновидение – это исполнение желания» – далеко не исчерпывающее [Фрейд, 2020]. Важно использовать теорию классического психоанализа, включая концепции о смещении, замещении, сгущении, психологических защит, наиболее актуальных при работе сновидения, а также использовать современные техники. Андрей Россохин, титулярный член французского психоаналитического общества, работает со сновидением, используя три параметра: эмоции (включая бессознательные), фактические детали, интерпретации на основе эмоций и деталей [Жибо, Россохин, 2005].

На основе системы из теорий Фрейда и более современных авторов, представленное сновидение можно интерпретировать следующим образом. П. находится там, где хочет и любит быть – в деревне, где она проводила детство. Важно, что с данным местом связан сосновый лес и река. Плавание приносит удовольствие, П. является мастером спорта и контролирует процесс полностью. Стоит отметить, что в данном моменте П. находится не в позиции взрослой женщины, матери двоих относительно взрослых детей, но, вероятно, речь идет о детской позиции, наслаждении ребенка от погоды и родной реки, родного места. Неожиданно все меняется. Возникает опасность: тучи сгущаются, волны поднимаются. В данной обстановке П. испытывает ключевое переживание – бессилие. П. обладает незаурядными навыками, однако они ничего не приносят в такой тяжелой окружающей ситуации. Здесь важно сделать акцент на том, что меняется именно окружение, природа, то есть что-то глобальное, от П. независимое, но напрямую ей угрожающее, что может ее поглотить (то есть характер тревоги связан с первичными объектными отношениями). Бессилие перед окружением, высокая тревога, связанная с бессилием и мрачными опасными изменениями в окружении – это важные аспекты данного сновидения.

П. уже не в родной реке, а в беспокойном океане. Она тонет, то есть не справляется с неконтролируемыми изменениями, испытывает большую тревогу за свою жизнь. Важно выделить тот аспект, что П. тревожится за свою жизнь, а не за жизнь своих детей. Две чайки кружатся над ней – это может быть символизацией ее детей, еще юных и способных адаптироваться. В процессе интервью с автором П. говорит, что ее старшая дочь может позаботиться о брате. Соответственно, П. испытывает тревогу именно о себе, материнская идентичность в данном сновидении менее актуальна.

Следующим ключевым аспектом сновидения является ветка сосны, опущенная в воду. П. тонет, ей не за что зацепиться, однако в этот момент она видит сосновое дерево. Конечно, стоит провести связь с сосновым деревом из первой части сновидения. Сосна – репрезентация дома. То есть для П. единственный способ спастись – зацепиться за ветку сосны, то есть символически вернуться домой. Очень важно учесть, что это ветка с иголками, то есть П. испытывает боль, ухватываясь за нее.

Следовательно, главной идеей интерпретацией сновидения будет то, что П. неожиданно оказывается в тяжелых условиях, угрожающих ее жизни. Источник изменений находится во вне, его нельзя контролировать. То есть вооруженная конфронтация, из-за которой П. начала процесс миграции, субъективно воспринимается как нечто внешнее, ужасающее, неконтролируемое и очень опасное. П. не может почти ничего контролировать, она тонет. Напряжение и тревога матери, мигрирующей из-за вооруженного конфликта представляется именно такой. В сновидении две чайки просто летают над водой, пока П. тонет. Сознательно П.

говорит, что ее дети взрослые, что ее дочь сможет позаботиться о младшем брате, даже если П. не станет. Следовательно, П. хуже переносит процесс миграции, чем ее относительно взрослые дети, которые могут легче адаптироваться к изменениям и не имеют слишком большой ответственности. Так же данный аспект можно трактовать следующим образом: мать хочет избавиться от ответственности перед детьми в условиях, при которых не может спастись сама. П. тонет, но видит, что к ней опущена ветка сосны, за которую можно зацепиться. Сосна – репрезентация дома П. То есть спасение в таких условиях возможно только дома и данное спасение будет очень болезненным. Следовательно, можно предположить, что П. хочет вернуться домой и ожидает, что это будет связано с большим объемом боли.

Заключение

Таким образом, в настоящей работе была проведена качественная оценка динамики детско-родительских отношений в семьях, вынужденно сменивших место жительства, методом полуструктурированного интервью, проведенного с пятью матерями детей раннего и младенческого возраста. На основе исследования выявлены изменения в динамике родительского опыта по когнитивному, поведенческому, эмоциональному компонентам: для матерей стали актуальными проблемы по уходу за детьми и за собой; родители также стали испытывать меньше уверенности в себе, больше агрессии в адрес детей и себя, также для родителей стало актуальным чувство одиночества. Субъективно изменения, связанные с вынужденной миграцией, родителями могут восприниматься, как абсолютно неконтролируемые, опасные для жизни. Напряжение, связанное с вынужденной миграцией, может повредить развитию родительской идентичности. Требуется проведение системных психологических исследований по темам детско-родительских отношений в условиях вынужденной миграции; разработка и применение психологических интервенций в семьях, находящихся в процессе вынужденной миграции.

Библиография

1. Валеева, Р. Биктагирова, Г. КФУ, программа «Я – будущий родитель», Review of European Studies; Vol. 7, No. 4; 2015
2. Васильева, Е. Щербаков, А. ВШЭ, Журнал: Фундаментальные исследования. – № 11 (часть 3) – С. 584-589 – 2013
3. Винникотт Д.В. Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «не-я» предмета // «Антология современного психоанализа». М.: Институт психологии РАН, 2000.
4. Винникотт Д.В. Разговор с родителями. — М.: Класс, 2011
5. Галяутдинова, С. И др. Российский гуманитарный журнал. Том 5. №2. 2016
6. Гёте, Ф.В. Фауст. Изд-во: Снег. 2019
7. Достоевский, Ф. М. - Майкову А. Н., 9 (21) октября 1867. [Электронный ресурс] <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-majkovu-9-21-oktyabrya-1867.htm> (дата обращения: 31.07.2023)
8. Жибо А., Россохин А. Французская психоаналитическая школа. — Изд-во: Питер, 2005
9. Заявление секретаря Совета безопасности РФ. [Электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/5621176> (дата обращения: 31.05.2023)
10. Карпачева, М. Быть женщиной – терпеть боль. Журнал клинического и прикладного психоанализа, 3(1), 124-137. 2022
11. Кляйн М., Любовь, вина и репарация. — М.: Эрго, 2007
12. Овчарова Р. Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Академия». 2005.
13. Ракамье П. О нарциссической перверсии. — М.: Джон Уайли энд Сонс Лимитед, 2013.
14. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — Изд-во: Эрго, 2018.
15. Фрейд З. Толкование сновидений. — Изд-во: Лениздат, 2020.
16. Широких, Б. Системная фундаментальная подготовка к родительству – рассмотрение ключевых тем и кризисных ситуаций с позиции психоанализа и материнской этики. Магистерская диссертация. 2020.

17. De Haene L. et al. Adult attachment in the context of refugee traumatisation: the impact of organized violence and forced separation on parental states of mind regarding attachment. 2010.
18. Korbivcher C. Autistic Transformations: Bion's Theory and Autistic Phenomena. — London: Karnac Books Ltd, 2014
19. Nakash, Ora & Nagar, Maayan & Shoshani, Anat & Zubida, Hani & Harper, Robin. The Effect of Acculturation and Discrimination on Mental Health Symptoms and Risk Behaviors Among Adolescent Migrants in Israel. *Cultural diversity & ethnic minority psychology*. 18. 228-38. 10.1037/a0027659. 2012
20. Tustin, F. *Autistic States in Children*. — London: Routledge, 1992.
21. United Nations High Commissioner for Refugees. (2020). *Global Trends: Forced Displacement in 2019*. United Nations High Commissioner for Refugees.

Dynamics of child-parent relations in conditions of forced migration

Boris A. Shirokikh

Postgraduate student,
Department of Age Psychology and Family Counseling,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34, Kutuzovsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Boris.shir1998@gmail.com

Abstract

Conducting psychological research on the topics of parenthood, readiness for parenthood, dynamics of child-parent relations in conditions of forced migration are considered by the authors as having social and scientific relevance. According to official UN estimates, the number of refugees worldwide currently exceeds 100 million people (12% more than in 2021), of which 40% are children. Consequently, the problem of psychological assistance in conditions of forced migration is becoming more and more relevant for the psychology of childhood, age psychology. As of the end of 2022, a total of 2,140 scientific papers have been published on the topic of psychological assistance to refugee families. The estimated number of refugees in Russia since 2022 exceeds 5 million people (respectively, more than 2 million children). However, as of 05/31/2023, there are no similar studies in Russia on the dynamics of family relations between parents and children forced to change their place of residence due to armed conflict. The purpose of this study is a qualitative assessment of the dynamics of child-parent relations in families who were forced to change their place of residence from the territories of a special military operation. The methodology of the study consists in conducting a semi-structured interview with five mothers of young and infant children in conditions of forced migration. Based on the study, changes in the dynamics of parental experience within the framework of cognitive, behavioral, and emotional components were revealed. The author also attempts to formulate further tasks for conducting research and interventions within the framework of the issue of child-parent relations in conditions of forced migration.

For citation

Shirokikh B.A. (2023) Dinamika detsko-roditel'skikh otnoshenii v usloviyakh vyzhdennoi migratsii [Dynamics of child-parent relations in conditions of forced migration]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (10A), pp. 411-421. DOI: 10.34670/AR.2023.35.32.045

Keywords

Child-parent relations, forced migration, psychological assistance to refugee families.

References

1. Dostoevsky, F. M. - Maikov A. N., October 9 (21), 1867. [Electronic resource] <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-majkovu-9-21-oktyabrya-1867.htm> (date of reference: 07/31/2023)
2. Freud S. Beyond the pleasure principle. — Publishing house: Ergo, 2018.
3. Freud S. Interpretation of dreams. — Publishing house: Lenizdat, 2020.
4. Galyautdinova, S. Et al. The Russian Humanitarian Journal. Volume 5. No.2. 2016
5. Gibo A., Rossokhin A. French Psychoanalytic School. — Publishing house: Peter, 2005
6. Goethe, F.V. Faust. Publishing house: Snow. 2019
7. Karpacheva, M. To be a woman is to endure pain. Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, 3(1), 124-137. 2022
8. Klein M., Love, guilt and reparation. — M.: Ergo, 2007
9. Korbivcher C. Autistic Transformations: Bion's Theory and Autistic Phenomena. — London: Karnac Books Ltd, 2014
10. Nakash, Ora & Nagar, Maayan & Shoshani, Anat & Zubida, Hani & Harper, Robin. The Effect of Acculturation and Discrimination on Mental Health Symptoms and Risk Behaviors Among Adolescent Migrants in Israel. Cultural diversity & ethnic minority psychology. 18. 228-38. 10.1037/a0027659. 2012
11. Ovcharova R. Studies. A manual for students of higher educational institutions. — M.: "Academy". 2005.
12. Rakamye P. About narcissistic perversion. — M.: John Wiley and Sons Limited, 2013.
13. Shirokikh, B. Systemic fundamental preparation for parenthood – consideration of key topics and crisis situations from the perspective of psychoanalysis and maternal ethics. Master's thesis. 2020
14. De Haene L. et al. Adult attachment in the context of refugee traumatisation: the impact of organized violence and forced separation on parental states of mind regarding attachment. 2010.
15. Statement by the Secretary of the Security Council of the Russian Federation. [Electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/5621176> (date of application: 05/31/2023)
16. Tustin, F. Autistic States in Children. — London: Routledge, 1992.
17. United Nations High Commissioner for Refugees. (2020). Global Trends: Forced Displacement in 2019. United Nations High Commissioner for Refugees.
18. Valeeva, R. Biktagirova, KFU, the program "I am a future parent", Review of European Studies; Vol. 7, No. 4; 2015
19. Vasilyeva, E. Shcherbakov, A. HSE, Journal: Fundamental Research. — No. 11 (part 3) — pp. 584-589 — 2013
20. Winnicott D.V. Conversation with parents. — M.: Klass, 2011
21. Winnicott D.V. Transitional objects and transitional phenomena. The study of the first "non-self" subject // "Anthology of modern psychoanalysis". Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2000.